

Хабибулина Лилия Фзатовна

ФЕНОМЕН РОМАНТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/42.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 121-123. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Япония представляет единственный случай в Азии, когда промышленный переворот происходит не под прямым влиянием Запада. И в силу своей внутренней подготовленности к встрече с Западом Япония после своего второго «открытия» не испытала тяжелых последствий колониализма, с которым столкнулись Китай, Индокитай и другие регионы Дальнего Востока и в зарубежной Азии в целом. Наоборот, открытие внешнему миру дало ей новые стимулы для экономического роста, и в короткий срок Япония превратилась в мощную державу, правда, милитаристскую по духу.

Но почему таким исключением стала именно Япония, историческое развитие которой происходило с большим запаздыванием по отношению к Китаю, Индии? Ответ следует искать в присущем ей типу системно-культурного насилия. Известно, что в средние века Японии, как никакой другой стране Востока, была свойственна ожесточенная межклановая борьба за власть. Насильственные смены династий происходили и в других культурных регионах Дальнего Востока, но в них общество на длительные периоды принимало произошедшие изменения, которые носили смысл скорее «революций», смены целых, так сказать, формаций, парадигм развития, то есть были вызваны объективными потребностями в переменах. В Японии же с момента образования царства Ямато в IV в. эта борьба не затихала по крайней мере вплоть до XVI в., до установления сегуната Токугавы. Здесь лежит прямая аналогия со средневековой Европой, особенно с ее ранним средневековьем, когда в подобных условиях возникли феодалы и феодальная лестница. Это – западная в своей сути доминанта системно-культурного насилия.

Разведение Востока и Запада по типам системно-культурной несвободы или насилия позволяет также объяснить и то, почему именно на Западе, а не на Востоке со всеми достижениями его древних цивилизаций, непрерывностью и преемственностью развития, произошел индустриальный переворот и переход к капиталистическому способу производства. Первоначальный капитализм в Европе был хищническим по своей природе. Никто не заботился о тех, кто не успел вскочить на подножку этого локомотива. Прошло немало времени, прежде чем низы сумели отстоять свои права, и возникло западное общество современного типа, в котором трудно с первого взгляда разглядеть его сущность.

Но восточные (дальневосточные) цивилизации, с их меритократией, с сакральным признанием права народа на свержение недобродетельных правителей, не заботящихся о подданных, просто не могли себе позволить сбросить эту ответственность с общества и предоставить каждому заботиться о себе самому. В древнем Китае создавались централизованные запасы хлеба на случай голода. Большие масштабы в дальневосточных цивилизациях принимали общественные работы по благоустройству, улучшению условий жизни широких слоев населения – строительству дорог, каналов, колодцев, странноприимных домов. Хищнический капитализм в таких условиях был просто неприемлем. Его смогла принять только Япония.

Другое дело сегодня, на совершенно ином этапе развития международного разделения труда, в условиях научно-технической революции. Теперь ни Китаю, ни другим восточным странам уже не требуется для совершения экономического рывка обрекать массы населения на нищету и бесправие, как это было в хищнической фазе развития капитализма.

Свое особое место в этой картине мира занимают Россия, Индия, Латинская Америка и другие регионы, не представляющие в полной мере ни Запад, ни Восток, ни даже «Западный Восток» или «Восточный Запад». Но это требует специального исследования и обсуждения в отдельных статьях.

Список литературы

1. Васильев Л. С. История Востока: в 2 т. М.: Высшая школа, 1988. Т. 1. 495 с.
2. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. М.: Прогресс, 1989. Т. 1. 360 с.
3. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник. М.: Рольф, 2002. 592 с.

УДК 140.8

Лилия Фэатовна Хабибулина

Казанский государственный университет культуры и искусств

ФЕНОМЕН РОМАНТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ[©]

Термин «романтическое» впервые обнаруживается в источнике середины XVII века со смысловым наполнением «воображаемый», «нереальный», «фантастический». Первоначальное его значение при появлении было обозначением чего-то причудливого, сказочного, взятого из суждения об отвлеченных, удивительных, лишенных здравого смысла романах – песнях странствующих поэтов. Выявить сущность *романтического* достаточно сложно, поскольку переплетение романтики, фантазии, мечты и воображения в «разрастании» романтического незамкнуто и бесконечно. Данная статья является попыткой объяснить феномен *романтического* через соотношение этих понятий и уточнение их семантического наполнения.

Отношение к романтическому, как явлению загадочному и до конца непонятному, нередко порождало семантическое отождествление романтики и романтизма: «жизнь там, где человек, а где человек, там и романтизм...» [1, с. 217]. Мы считаем, что романтика как состояние души присуща в той или иной мере каждому человеку. Всем знакомо это слово, оно довольно часто употребляется в современной речи, однако краткого, но ёмкого понятия, характеризующего суть явления, нет.

Что же такое романтика? В толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова романтике, как и романтизму, дано значение умонастроения, характеризующегося преобладанием мечтательной созерцательности и чувства над рассудком, идеализацией действительности. В романтическом мироощущении человека главную роль играют идеалы незаурядные, исключительные, к которым ведут мечты, лирические эмоции.

В бытовом значении романтика традиционно отождествляется с легким отношением к жизни, характеризующемся стремлением к неутилитарному, провозглашением нематериальных идеалов. Романтика и утилитаризм – вещи разноуровневые, принцип выгоды для романтика ничтожно мал, поскольку его укорененность в высших ценностях не дает «застрывать» в материальном, уводит в мир иллюзорных идеалов. Как попытка человека внести в свой мир идеал, романтика – это состояние души в виде мечты о неосуществленном, но страстно желаемом. Она способна противиться прозе действительной жизни, уводит к несуществующему в реальности идеалу. В мечте, продукте фантазии, проецируется желаемая реальность будущего. «Это животные и прегоминиды не бывают романтиками, они всегда утилитарны или так сказать, просто легкомысленны» [2, с. 301].

Из сказанного следует, что романтику и мечту соотносят между собой, но их нельзя отождествлять, употреблять в одном значении. Понятие романтики шире, поскольку оно воплощается в мечте, как стимуле преобразования действительности. Мечта всегда направлена в будущее, она способна наметить, спланировать осуществление романтических идеалов, направить человека в нужном направлении. Однако, мечта мечте рознь, они бывают реальные, то есть осуществимые и бесплодные – неосуществимые.

Д. И. Писарев в работе «Промехи незрелой мысли» дал исчерпывающую характеристику человека как мечтательного существа, осуществление или неосуществление желаний которого мыслится двояко: «Моя мечта может обгонять естественный ход событий; или же она может хватать совершенно в ту сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти» [4, с. 176-177].

Осуществимые, как превращение мечты в реальное воплощение, ломают устаревшие нормы и изменяют действительность. В этом случае мечта приносит пользу, поскольку она является побудительным стимулом, поддержкой, «забеганием вперед» того, что должно осуществиться. Неосуществимые мечты в виде грезы присущи индивидам ранимым, тонко чувствующим, которые в силу хрупкой душевной организации не способны «вытерпеть» действительность. Их мечты компенсируют невозможность изменения окружающей реальной жизни, другими словами являются спасательным кругом, своеобразной психологической защитой. Но в то же время мечтатель ничего не делает для того, чтобы хоть как-то приблизиться в реальности к своей мечте. Он не способен осуществить свои желания, его мечты превращаются в мечтательность, лишённую созидательного начала. Мечтательность, как тип мироощущения, склад души, характеризует романтическую доминанту неосознаваемого в духе человека, при которой малопродуктивные фантазии так и остаются фантазиями.

На протяжении жизни человека характер фантазий меняется. Отдельного внимания заслуживают фантазии детей, которые фантазируют чаще взрослых. То, что для взрослого человека несбыточно, для ребенка кажется вполне реальным, поскольку в своем воображении он создает фантазмы, имеющие своей основой «первофантазии», наследуемые человеком генетически. Поскольку потребности и желания детей реализуются более в фантастических образах, нежели реальных, их фантазии отличаются разнообразием и преувеличенной силой воображения. В фантазиях ребенка отсутствуют границы, и может возникнуть синдром патологического фантазирования, при котором перемещение в мир иллюзий сопровождается «уходом в себя». Грань между нормой фантазии и патологией провести сложно, поскольку у ребенка вымышленное не вызывает сомнений в существовании. Ребенок фантазирует, чтобы выйти из реального мира в мир вымышленный, сказочный, после чего он возвращается в реальность. Патологическое фантазирование характеризуется полным бегством в воображаемый мир. Поскольку фантазии детей безграничны, неохватны, романтическое желание «быть всем» удовлетворяется уходом в мечтательность.

В период юности характер фантазий меняется, они обгоняют настоящее, прокладывая путь в различные варианты будущего. Романтические фантазии, часто нереальные и неосознанные, имеют конструктивный характер, поскольку в них подросток определяет свое будущее и пути его достижения. Эти фантазии при помощи богатого воображения создают мечту, которая способна осуществиться. Именно поэтому понятие «романтика» часто ассоциируется с юностью, временем формирования идеалов и ценностей, в котором самые нереальные мечты не воспринимаются за ребячество. В юности и молодости человек гораздо более предрасположен к составлению долговременных прогнозов, касающихся не только и не столько его как личности, но и общества в целом. Примером могут служить молодежные общественные движения, идейная основа которых формируется под влиянием романтики. По мере взросления человека охват фантазии несколько сужается, поскольку взрослый человек не совсем свободен от сформировавшихся стереотипов.

Фантазии взрослого человека бывают разные. «Есть фантазия, которая не покидает земной почвы, подходит с меркой к вещам, которые преднаходятся, предчувствуются, предполагаются и лишь доконструируются творческой силой духа человека» [3, с. 222].

Существует и другая фантазия, которая уносит в мир иллюзий, дающий человеку утешение от неисполнения какого-либо желания. Такая фантазия защищает, уводя мысли от неудовлетворенного бытия, при этом желания, надежды на его улучшение, как уже осуществившееся, удовлетворяются романтическим уходом в еще-небытие. Воображаемый сценарий осуществления желаний в этом случае есть стремление избегания боли от невозможности их исполнения в реальной жизни. При этом фантазия так и остается фантазией, лишь иллюзией романтического порядка.

Фантазия переживается человеком как реальность. Но эта реальность выдумана, то есть является неосознаваемым выходом за границы естественного, природного. Как характерная особенность психики человека фантазия, обладая высокой степенью свободы от реальности, способна конструировать реально не существующее (фантастическое, утопическое, иллюзорное), что позволяет рассматривать её не только на психологическом уровне, но и в более широком философско-культурологическом измерении. Фантазия как нечто неправдоподобное и придуманное, игнорируя действительность, создает проекты, способные так и остаться фантазиями, и возможные в реальном осуществлении.

Порожденные фантазией образования для самого человека могут быть вполне реальны, поскольку иллюзорная реальность воспринимается человеком желанной, и потому возможной. Однако таковой она может и не стать. Создаваемый фантазией иллюзорный мир, становится для человека реальным благодаря возможности выхода в другое измерение, отличное от наличного бытия. Способов романтического «отлета» от действительности множество, как позитивных: кругосветное путешествие, экстремальные виды спорта, выбор профессии, связанной с риском для жизни; так и негативных: употребление психотропных средств, метафизический терроризм.

Конечно, в своих фантазиях человек, обретая полную свободу, имеет возможность лелеять мечты о совершенствовании культуры и себя в ней, однако, к сожалению, наряду с положительными тенденциями существуют отрицательные, например, мечты, направленные на разрушение, регресс и некрофилию, в виде «романтики» какой-либо агрессии, деструкции или саморазрушения.

В какую бы сторону ни вела фантазия, человек в поисках индивидуальных конструкций постоянно экспериментирует с реальностью. Романтическое начало человека манифестирует фантазию как особый род неосознаваемого желания. Иллюзорное замещение реальности инициируется романтическим началом человека, конструктивно-онтологической функцией фантазии, при которой становится возможным трансцендирование, позволяющее находиться одновременно в бытии и за его пределами. То есть романтическое, как выход за пределы существующего в бытии, всегда остается не более чем наброском воплощения мечты и фантазии. Мечты и фантазии, являющиеся стимулом создания образов желаемого и невоплощенного, были невозможны без активной работы воображения.

Человек не вынося однообразия и рутины действительности, чтобы почувствовать себя счастливее, своим воображением способен выдумать несуществующее, желаемое и возможное воплотиться в бытии. В воображении возможен отрыв от реальности, «забегание вперед», интуитивное предсказание и фантазирование. Благодаря работе воображения, человек имеет возможность создавать мыслеобразы, никогда не существовавшие в действительности, более того предвосхищение того, чего пока еще не существует – основная функция воображения. Из сказанного становится понятно, почему проекция романтических устремлений в мыслеобраз происходит не без активной помощи воображения.

Итак, несмотря на то, что семантическое наполнение понятий романтика, мечта, фантазия, воображение различно, все же в них есть то, общее, что позволяет говорить о них как о ризомных «разрастаниях» *романтического*. Относительно друг друга понятия романтики, фантазии, мечты и воображения сопряжены между собой желанием чего-либо субъективного, ускользающего от диктата сознания. «Разрастания» *романтического* в романтике, мечте, фантазии и воображении реализует возможность переключения из обыденного мира в мир желаний и грез. Как временное, лукавое, но очень ценное убежище человека, *романтическое* выражается в приоритете неосознаваемого над осознаваемым, бесконечного над конечным, свободы над необходимостью. Более того, *романтическое* мыслится нами непростой структурой, сформированной из множества линий. Причем каждая линия связана с другими, и в то же время, самостоятельна и подвижна.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений. М., 1948. Т. 3. 927 с.
2. Меньчиков Г. П. Духовная реальность человека. Казань: Грандан, 1999. 408 с.
3. Меньчиков Г. П. Неосознаваемое как ценность духовной культуры. Казань: Таглитат, 2006. 256 с.
4. Писарев Д. И. Промахи незрелой мысли // Литературная критика: в 3-х т. Л., 1981. Т. 2. Статьи 1864-1865 гг. 456 с.